

Диакон Андрей Кауров

СИМВОЛИЗМ МОНАШЕСКИХ ОДЕЖД В СОЧИНЕНИЯХ СВТ. КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

Аллегорический метод экзегетики древнерусского автора позволяет ему не только толковать Священное Писание, но и пересмотреть суть монашества. В дебатах XXI века, где большей частью разговор идет о нравственных, дисциплинарных, миссионерских или социальных аспектах монашеского делания, взгляды туровского аскета XII века, могли бы еще раз напомнить о сакральной стороне иноческого пути.

Ключевые слова: символизм монашеских одежд, экзегетика, Священное Писание

Сегодня в русском монашестве существует два направления, одно из которых считает необходимым опираться на греческую (Афонскую) традицию, другое — на русскую. Вследствие этого тем большую важность приобретают исследования, которые могут указать на то, как интерпретировало русское монашество воспринятую им из Византии традицию, иными словами, какие положения легли в основание монашеского делания на Руси.

Первым был, конечно, преп. Феодосий Печерский, который вместе с соратниками ввел в русскую монашескую жизнь Студийский Устав. Наиболее авторитетный общежительный устав, а вместе с ним огромный комплекс богослужебных книг. Принесенная преп. Антонием с Афона традиция особножительствва, постепенно перестала быть преобладающей.

К XII в. дисциплинарно-организационные проблемы уже решены в монашеской литературе, потому свт. Кирилл Туровский едва ли не в каждом из множества своих сочинений автор решает проблему нового переосмысления сути монашеского делания. Его излюбленные темы — монашеский обет и верность ему, феномен свободы в монашестве и, наконец, символизм монашеских одежд.

Итак, тема одежд монашеских, в святоотеческой литературе не нова, но в молодой русской литературе свт. Кирилл Туровский первым из русских писателей-богословов обращает внимание на эту тематику и находит в ней стимул для собственного богословского творчества.

Следует напомнить, что тема одежд христианских начата еще у апостола Павла: «Итак, станьте препоясавши чресла ваши истиной и облекитесь в броню праведности и обувши ноги в готовность благодетельствовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите и меч духовный, который есть слово Божие» (Еф. 6:17). Тема одежд здесь аллегорически слита воедино с темой боевого оружия доспехов воинов его времени.

В свою очередь тема одежды будет не раз затронута и в святоотеческой литературе, но преп. Пахомий Великий (IV в.) и свт. Василий Великий об одеждах говорят с сугубо бытовой точки зрения, без намека на какой-либо символизм. О символике монашеских одежд заговорит только авва Дорофей (VI—VII в.): «Одеяние, которое мы носим, состоит из мантии, не имеющей рукавов, кожаного пояса, аналава и куколя, а все это суть символы», — пишет преп. Дорофей. Следует отметить, что ни один символ, из названных аввой Дорофеем не повторится у свт. Кирилла.

В Алексеевском Типиконе, редакции Студийского устава, перевод которого появился на Руси во второй половине XI в. в Киево-Печерской лавре при преп. Феодосие, одеждам монашеским уделено достаточно внимания. Прообразом монашеской одежды [1] являются одежды святого пророка Иоанна Крестителя, а примером необычайной простоты монашеской одежды является описание собственной одежды святителя Василия Великого [1], сохранившейся до времен преп. Феодора Студита.

Свт. Кирилл Туровский, продолжает аллегорическую традицию толкования Священных текстов, начатую в русском богословии свт. Иларионом Киевским и св. Климентом Смолятичем. Ему удастся не только привнести в понимание сути монашеских одежд поэтику высокой духовности. И хотя в Священном Писании ничего не сказано о монашеских одеждах, кроме темных одежд Акиллы и Прискилы, туровский автор именно в Священном Писании находит множество прообразов монашеской одежды.

«Монахи же облечены целомудрием, правдою препоясаны, смирением украшены [2]».

Переключка с ап. Павлом очевидна: «Итак, станьте препоясавши чресла ваши истиною, и облекитесь в броню праведности, и обувши ноги в готовность благовествовать мир; А паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть слово Божие».

Эта переключка не случайна, во многих местах наш автор указывает на то, что апостолы являлись прообразом нынешнего монашества. Иисус Христос и апостолы — это прообраз игумена и монахов.

Аарон и левиты — первые священнослужители Бога живого, по утверждению свт. Кирилла, были «приведены в монашеский чин», спустя сотни веков их функцию скрепляет Христос. В Его одеждах, мучимого и ведомого на распятие, святитель усматривает одежды священнодействующего Аарона. Потом автор укажет на отображение тех же одежд в современном облачении монаха. Это первый фактор, связывающий единой линией сквозь века Аарона — Господа Иисуса Христа — и монаха.

Другим фактором, указывающим на неразрывность линии, идущей от Христа к монахам, является добровольность их облачения: и Христа, и монахов.

Сакральность монашества и мистическая связь каждого монаха с Аароном и Христом для свт. Кирилла Туровского очевидна.

Ярким примером является образ «растущих риз», который через обрастание одежд заплатами являет собой длинный путь монаха «к горе добродетелей» [3]. Уход евреев из египетского рабства и последующий за этим их длинный путь является для автора еще одним важным прообразом монашеского пути. Они двигались к горе Синайской, а инок — к горе богоугодных добродетелей.

Есть ряд образов, которые свт. Кирилл не заимствовал из Священного Писания. Святитель рисует свои собственные образы, тем самым обрисовывает те или иные стороны сакральной стороны монашества.

Образ раздерганой на онучи ризы дает ему возможность показать необходимость добровольного послушания инока Богу [3, с. 54]. Монашеская «риза, молью изъеденная» [4] иллюстрирует отступление монаха от добровольно выбранного служения. В то же время образ «ветхости риз» [3] знаменует собой долгий и правильный монашеский путь.

«Ризы искуса» [5] — есть одежды монаха, которые несут в себе некие испытательные функции, а сам монах должен бережливо следить за их сохранностью.

Эти и другие подобные образы дает свт. Кирилл в назидание инокам. Казалось бы не прошло и ста лет со времени основания Киево-Печерской лавры, давшей Русской Церкви совершенный монашеский Устав, выверенный гением преподобного Феодора Студита и его последователей - литургический и дисциплинарный аскетический свод правил. Сама Лавра сияла над Киевской Русью благодатью чудотворений ее основателей преподобных Антония и Феодосия Печерских, и последовавших за ними иноков. Всей Русской Церкви Лавра давала своих иноков — они становились епископами русских городов и епархий.

Но к концу XII в., спустя 100 лет после основания Киево-Печерской Лавры, свт. Кирилл Туровский считает необходимым пересмотреть идеалы монашества как такового. В отличие от преп. Феодосия Печерского, рассматривавшего в своих Поучениях к инокам насущные вопросы жизни монастыря, туровский богослов решает оторваться от повседневности, и пересматривает сами основы иноческого служения. Его интересует сакральность и надмирность личностного келейного служения монаха Богу, свободное произволение в решении отречься от собственной воли. А для того, чтобы раскрыть эти едва затронутые в богословии монашества темы, свт. Кирилл Туровский и применяет, как инструмент познания, три темы: монашеский обет, свобода воли монаха и символизм монашеских одежд.

Тем самым, ему удалось возвести самоосознание иноческой общины до уровня Аарона и левитов, Моисея и Иисуса Навина с Халевом, и наконец, до Самого Иисуса Христа с апостолами, апостола Петра и первой иерусалимской общины христиан. Свт. Кирилл настаивает, что монашеское служение является сакральным продолжением их служения.

Почти полное небрежение автора к реалиям современной ему жизни, делает его сочинения актуальными в современных спорах о монашестве в XXI веке.

1. Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М.: Издательство Московской Патриархии, 2001. С. 384.
2. Кирилл Туровский, свт. Повесть о белоризцах и о монашестве, о душе и покаянии, Василию игумену Печерскому // Колесов В. Творения бл. Кирилла Туровского. М.: Палея, 2009. С. 46.
3. Кирилл Туровский, свт. Сказание о черноризском чине из Ветхого Завета и Нового, того носит образ, а этого наполняет делами // Колесов В. Творения бл. Кирилла Туровского. М.: Палея, 2009. М.: Палея, 2009. С. 55.
4. Кирилл Туровский, свт. Молитва в понедельник после часов // Колесов В. Творения бл. Кирилла Туровского. М.: Палея, 2009. С. 134.
5. Церковно-славянский словарь. М.: 2000. С. 59.

References

1. Pentkovskiy A.M. Tipikon patriarkha Aleksiya Studita v Vizantii i na Rusi. M.: Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii, 2001. S. 384.
2. Kirill Turovskiy, svt. Povest' o beloriztsakh i o monashestve, o dushe i pokayanii, Vasiliyu igumenu Pecherskomu // Kolesov V. Tvoreniya bl. Kirilla Turovskogo. M.: Paleya, 2009. S. 46.
3. Kirill Turovskiy, svt. Skazanie o chernorizskom chine iz Vetkhogo Zaveta i Novogo, togo nosit obraz, a etogo napolnyaet delami // Kolesov V. Tvoreniya bl. Kirilla Turovskogo. M.: Paleya, 2009. M.: Paleya, 2009. S. 55.
4. Kirill Turovskiy, svt., Molitva v ponedel'nik posle chasov // Kolesov V. Tvoreniya bl. Kirilla Turovskogo. M.: Paleya, 2009. S. 134.
5. Tserkovno-slavyanskiy slovar'. M.: 2000. S. 59.

Deacon Andrey Kaurov. The symbolism of the monastic dress in the writings of Cyril Of Turov. Allegorical method of exegesis of the Old Russian author allows him not only to interpret the Holy Scripture, but also to revise the essence of monasticism. In the debate of the XXI century mostly about the moral, disciplinary, missionary, or social aspects of monasticism, the views of the Turov's asceticism of the XII century could once again recall the sacred side of the monastic path.

Keywords: symbolism of monastic dress, exegesis, Holy Scripture.

Сведения об авторе. А.Кауров — Новгородское Духовное Училище, соискатель степени кандидата богословия в ПСТБИ, andersel@bk.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 05.03.2018.